

в образованных русских семьях, заставляет массу молодых людей сказать себе: «О, нет! я никогда не буду похожа на эту бедную кисейную барышню. Я буду учиться; я буду мыслить, и я завоюю для себя лучшее будущее». Почти каждая статья Писарева имела подобное же влияние. Они открывали глаза молодым людям на тысячи тех мелочей жизни, на которые мы по привычке не обращаем внимания, но сумма которых создает ту удушливую атмосферу, в которой задыхались героини Крестовского — псевдонима. От этой жизни, обещающей лишь обман, скуку и чисто растительное существование, он звал молодежь обоего пола к жизни, озаренной светом науки, жизни труда, широких взглядов и симпатий, которая открывалась для «мыслящего реалиста».

Еще не настало время для полной оценки трудов Н. К. Михайловского (1842—1904), который в семидесятых годах занял место руководящего литературного критика и оставался им вплоть до смерти. Положение, занятое им в литературе, не может быть понято, не входя во многие детали относительно характера интеллектуального движения России за последние тридцать лет и борьбы партий, а это движение и борьба отличались чрезвычайной сложностью. Достаточно будет сказать, что с Михайловским литературная критика приняла философско-общественное направление. В течение этого периода философия Спенсера производила глубокое впечатление в России, и Михайловский подверг ее суровому разбору с антропологической точки зрения, указав ее слабые пункты и выработав собственную «теорию прогресса», которая, несомненно, произвела бы впечатление и в Западной Европе, если бы она была известна за пределами России. Его замечательные статьи об «Индивидуализме», о «Героях и толпе», о «Счастьи» имеют такую же философски-социологическую ценность; даже те немногие цитаты из его статьи «Десница и шуйца графа Толстого», которые даны были в предыдущей главе, с достаточной ясностью, указывают, куда направлены симпатии. К сожалению, нужно сказать, что как литературный критик Михайловский далеко уступал своим предшественникам, а между тем первое условие для литературной критики, как ее понимал Белинский, было соединение чутья общественного с чутьем художественным.

Из других критиков этого же направления я упомянутых лишь Скабичевского (род. 1838), автора хорошей и очень полезной истории современной русской литературы, о которой я уже упоминал выше. Из писателей, занимавшихся также критикой, я упомяну К. Арсеньева (род. 1837), «Критические этюды» (1888) которого тем более интересны, что он разбирает в них довольно подробно некоторых менее известных поэтов и молодых современных писателей. П. Полевой (1839—1903), автор многих исторических повестей, написал также популярную «Историю русской литературы». К сожалению, я вынужден пройти здесь молчанием ценные критические труды Дружинина (1824—1864), выступившего после смерти Белинского, П. В. Анненкова (1812—1864), а также Аполлона Григорьева (1822—1864), блестящего и оригинального критика славянофильского лагеря. Оба они держались «эстетической» точки зрения и сражались с утилитарными взглядами на искусство.

«Что такое искусство?» — Толстого

Как читатели могли видеть, в течение последних восьмидесяти лет, начиная с Веневитинова и Надеждина, русские художественные критики стремились установить положение, что искусство имеет право на существование лишь тогда, когда оно идет на «служение обществу» и способствует обществу подниматься до высших гуманитарных идеалов — конечно, при помощи тех средств, которые присущи одному лишь искусству и отличают его как от науки, так и от политической деятельности. Эта мысль, так шокировавшая западноевропейских читателей, когда ее развивал Прудон, давно была развиваема в России всеми теми, кто действительно оказывал влияние на критические суждения в области искусства; притом некоторые из наших величайших поэтов, как, например, Лермонтов и Тургенев, доказывали ее на деле своими творениями. Что же касается критиков другого лагеря, как Дружинин, Анненков и Ап. Григорьев, которые или держались противоположных взглядов, защищая теорию «искусства для искусства», или же занимали срединное положение, ставя критерием искусства «Прекрасное» и придерживаясь теории немецких эстетических писателей, то о них можно лишь сказать, что если они и помогали нашим художникам, указывая им на недостатки или же несовершенства художественной отделки их произведений, то они не оказали никакого влияния на развитие русской мысли вообще в направлении «чистой эстетики».

Метафизика немецких эстетических писателей неоднократно была разрушаема пред трибуналом